
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 303.442

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Т. В. ЛИСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена методология дискурс-анализа, изучены структурные элементы дискурса, проанализированы возможности применения дискурс-анализа в конфессиональных исследованиях. Определено, что дискурс-анализ является основанным на междисциплинарной стратегии качественным инструментом, который позволяет выявить скрытый смысл, заложенный в нарративных источниках, и его проявление в процессе реализации общественных отношений. Рассматриваются различные методики анализа дискурса и подходы к нему. Отмечается, что в рамках конкретного исторического исследования дискурс-анализ всегда включает основные положения методологии критического дискурс-анализа и стремится к изучению неотъемлемых компонентов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда). В качестве методологических принципов дискурс-анализа в исследовании выделены проблематизация и оценка дискурса как диалогического коммуникативного акта, предполагающего комплексное взаимодействие акторов в условиях исторического, политического, социально-экономического и культурного контекста, реализованное в конкретном нарративе. Дискурс-анализ построен на междисциплинарной стратегии, что предполагает применение теории, приемов и методов различных наук (культурология, риторика, философия, психология, политология, социология и т. д.) для выявления связи между социальными, культурными, политическими и общественными процессами, воздействующими на сущность дискурса. Особенности практического применения дискурс-анализа при изучении конфессиональной истории проиллюстрированы на примере анализа дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Дискурс-анализу были подвергнуты основные элементы дискурса с применением методов формальной логики, историко-генетического метода, юридических,

Образец цитирования:

Лисовская Т. В. Дискурс-анализ в изучении конфессиональной истории: теория и практика. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023; 1:5–18.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-5-18>

For citation:

Lisouskaya T. V. Discourse analysis in the study of confessional history: theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;1:5–18. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-5-18>

Автор:

Татьяна Витальевна Лисовская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Tatyana V. Lisouskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lisovski_rb@tut.by

социологических и иных методов, что позволило сделать выводы о внешних и внутренних факторах государственной конфессиональной политики, определить ее характерные особенности и выявить латентный смысл дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси. В результате апробации подтверждена эффективность применения дискурс-анализа для всестороннего изучения предмета исследования конфессиональной истории.

Ключевые слова: дискурс-анализ; методология истории; исторические исследования; междисциплинарность.

ДЫСКУРС-АНАЛІЗ У ВЫВУЧЭННІ КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ: ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА

Т. В. ЛІСОЎСКАЯ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прадстаўлена метадалогія дыскурсу-аналізу, вывучаны структурныя элементы дыскурсу, прааналізаваны магчымасці прымянення дыскурсу-аналізу ў канфесійных даследаваннях. Вызначана, што дыскурсу-аналіз з'яўляецца якасным інструментам, заснаваным на міждысцыплінарнай стратэгіі, які дае магчымасць выявіць латэнтны сэнс, закладзены ў наратыўных крыніцах, і яго праяўленне ў працэсе рэалізацыі грамадскіх адносін. Прадстаўлены розныя метадыкі аналізу дыскурсу, а таксама падыходы да яго. Адзначана, што ў рамках канкрэтнага гістарычнага даследавання дыскурсу-аналіз заўсёды ўключае асноўныя палажэнні метадалогіі крытычнага дыскурсу-аналізу і імкнецца да вывучэння неад'емных кампанентаў дыскурсу (суб'ект – дзейнасць – тэкст – асяроддзе). У якасці метадалагічных прынцыпаў дыскурсу-аналізу выдзелены праблематызацыя і ацэнка дыскурсу як дыялагічнага камунікатыўнага акта, які прадугледжвае комплекснае ўзаемадзеянне актараў ва ўмовах гістарычнага, палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і культурнага кантэксту, рэалізуванае ў канкрэтным наратыве. Дыскурсу-аналіз пабудаваны на міждысцыплінарнай стратэгіі, што прадугледжвае прымяненне тэорыі, прыёмаў і метадаў розных навук (культуралогія, рыторыка, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія і г. д.) для выяўлення сувязі паміж сацыяльнымі, культурнымі, палітычнымі і грамадскімі працэсамі, якія ўздзейнічаюць на сутнасць дыскурсу. Асаблівасці практычнага прымянення дыскурсу-аналізу пры вывучэнні канфесійнай гісторыі праілюстраваны на прыкладзе аналізу дыскурсу дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да позднепратэстанцкіх рухаў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Дыскурсу-аналізу былі падвергнуты асноўныя элементы дыскурсу з прымяненнем метадаў фармальнай логікі, гісторыка-генетычнага метаду, юрыдычных, сацыялагічных і іншых метадаў, што дазволіла зрабіць высновы аб знешніх і ўнутраных фактарах дзяржаўнай канфесійнай палітыкі, вызначыць яе характэрныя асаблівасці і выявіць латэнтны сэнс дыскурсу дзяржаўнай канфесійнай палітыкі ў дачыненні да позднепратэстанцкіх рухаў Заходняй Беларусі. У выніку апрабавання пацверджана эфектыўнасць прымянення дыскурсу-аналізу для ўсебаковага вывучэння прадмета даследавання канфесійнай гісторыі.

Ключавыя словы: дыскурсу-аналіз; метадалогія гісторыі; гістарычныя даследаванні; міждысцыплінарнасць.

DISCOURSE ANALYSIS IN THE STUDY OF CONFESSIONAL HISTORY: THEORY AND PRACTICE

T. V. LISOUSKAYA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The author of the article presents the methodology of discourse analysis, studies the structural elements of discourse, and analyses the possibilities of using discourse analysis in confessional studies. It has been determined that discourse analysis is a qualitative tool based on an interdisciplinary strategy that allows revealing the hidden meaning embedded in narrative sources and its manifestation in the process of implementing social relations. The article presents different approaches and methods of discourse analysis, which depend on the approach of the researcher, while noting that, within the framework of a specific historical study, discourse analysis always includes the main provisions of the critical discourse analysis methodology and it is aimed at studying the integral components of discourse: subject – activity – text – environment. As methodological principles of discourse analysis, the article highlights the problematisation and evaluation of discourse as a dialogic communicative act, involving the complex interaction of actors in a specific historical, political, socio-economic and cultural context, implemented in a specific narrative. Discourse analysis is built on an interdisciplinary strategy, which involves the use of theory, techniques and methods of various sciences (culturology, rhetoric, philosophy, psychology, political science, sociology, etc.) to identify the relationship between social, cultural, political and social processes, affecting the essence of discourse. Features of the practical application of discourse analysis in the study of confessional history are illus-

trated by the author on the example of the analysis of the discourse of state policy in relation to the Evangelical movements of Western Belarus in 1921–1939. The main constituent elements of the discourse were subjected to discourse analysis using the methods of formal logic, the historical-genetic method, legal, sociological and other methods, which made it possible to draw conclusions about the external and internal factors of the state confessional policy, to determine its characteristic features and to reveal the latent meaning of the discourse of the state policy regarding the Evangelical movements of Western Belarus. As a result of testing, the effectiveness of using discourse analysis for the comprehensive study of the subject of confessional history research was confirmed.

Keywords: discourse analysis; methodology of history; historical research; interdisciplinarity.

Введение

Современное развитие исторической науки и методологии исторических исследований характеризуется переходом от простого (формального) подхода в описании исторического события к содержательному анализу прошлого как многоуровневой системы, в которой нашли отражение как формальные действия, так и субъективные условия, психологические паттерны, факторы внешней и внутренней социокультурной среды, уровень развития и содержание идеологии, характер коммуникаций в обществе.

При изучении конфессиональной истории поле научного поиска находится на междисциплинарном уровне – на стыке истории, религиоведения, теологии, социологии, психологии, права. Это приводит к появлению новых вызовов для исследований, требует новых методологических подходов, при этом возникает необходимость в подборе эффективного методологического инструментария как среди общенаучных и специально-исторических методов и подходов, так и среди частных методов иных наук, а также в использовании понятийного аппарата неисторических наук.

Принимая во внимание то, что основным методом исторических исследований является работа с текстовыми (нарративными) источниками, на основе анализа которых ученый делает теоретические обобщения, для успешного анализа этих источников возможно применение не только количественных, но и преимущественно качественных методов. Последние позволяют всесторонне изучить предмет исследования конфессиональной истории.

К ним относятся дискурс-анализ, компаративный и лингвистический анализ, деконструкция, интервьюирование и др. Несомненно, цели и задачи исследования, характер источниковой базы определяют выбор тех или иных методов. Однако особое место в изучении конфессиональной истории, на наш взгляд, занимает метод дискурс-анализа, который включает изучение экстралингвистической информации (политические, экономические, социальные, культурные аспекты) и основывается на влиянии религиозного и нерелигиозного мировоззрения на исторический процесс, что позволяет объективно раскрыть проблемы конфессиональной истории на основе изучения текстовых источников.

Целью статьи является определение главных методологических аспектов применения дискурс-анализа в исследованиях конфессиональной истории на основе теоретических моделей и практики применения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить особенности дискурс-анализа как качественного метода изучения конфессиональной истории, выделить основные методологические принципы и методы исследования структурных элементов дискурс-анализа, провести апробацию метода дискурс-анализа, разработанного на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка и методологии критического дискурс-анализа (КДА), для изучения дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг.

Дискурс-анализ как качественный метод в исследованиях конфессиональной истории

Ключевым моментом в понимании дискурс-анализа как метода исследования является само понятие «дискурс». В широком академическом применении до конца 1960-х гг. термин «дискурс» воспринимался как синоним к терминам «текст», «речь» [1, с. 5]. Однако постепенно в научных исследованиях дискурс в системе язык – речь выделяется как специфический компонент коммуникации в качестве механизма реализации языковой практики в определенной коммуникативной ситуации. Со-

ответственно, дискурс воспринимается как многофакторное явление, в структуру которого входит не только сам текст, но и субъекты коммуникации, а также конкретная коммуникативная ситуация.

Так, один из основоположников теории дискурса М. Фуко понимает дискурс как связную последовательность высказываний, условием создания которых служит определенная эпистема, свойственная той дискурсивной формации, в рамках которой эти высказывания порождаются [2, с. 350–351]. Н. Фэркло,

расширяя понятие «дискурс», заявляет, что существуют следующие измерения для каждой речевой ситуации: непосредственно текст, деятельность (дискурсивная практика) по производству и восприятию текста, а также социальная практика [3]. М. Фуко и Н. Фэркло утверждают, что для текста характерна диалогичность, а высказывания субъектов дискурса отражают тип их социальной активности, исторически обусловленный и связанный с уровнем цивилизационного и культурного развития общества. Таким образом, диалогичность субъектов коммуникации зависит от культурного контекста исторической и политической реальности, а также от мировоззренческих принципов, господствующих в обществе.

Ключевым моментом в теории дискурса является внимание к динамичности дискурса и его компонентов, а также понимание первичности дискурса в отношении текста. Соответственно, дискурс определяется как коммуникативное действие в условиях конкретной социокультурной среды, в результате которого создается и артикулируется текст. Так, текст (например, Ответное послание Святейшего синода Вселенской патриархии 1903 г.) является результатом не только процесса создания, но и его интерпретации (закрепление понимания отношения Русской православной церкви к инославным вероисповеданиям), а дискурс представляет собой динамический процесс – дискурс межконфессиональных отношений в Российской империи, элементом которого является данный документ, а также иные письменные и устные тексты.

Таким образом, к дискурсу можно отнести коммуникативный процесс в рамках взаимодействия субъектов социальных отношений (государство, религиозные институты, общественные организации, этнические и конфессиональные группы и т. д.), а также в рамках социальных и правовых отношений (государственная конфессиональная политика, межрелигиозные отношения). В обобщающем значении дискурс может выступать как коммуникативная практика в конкретной сфере общественных отношений (религиозный дискурс, правовой дискурс, политический дискурс и т. д.), как проблемно ориентированная коммуникативная практика (правовой дискурс положения религиозных организаций, дискурс государственно-конфессиональных, межрелигиозных отношений, дискурс закрепления христианства у восточных славян и т. д.), как коммуникативная практика, объединяющая множество дискурсов (правовое закрепление и правоприменительная практика, например государственная политика в отношении православной церкви в 1917–1991 гг.). И в то же время дискурсом можно также признать частный случай коммуникации [4, р. 35], например обращение прихожанина

в консисторию, переписку с государственными органами, а также конкретный законодательный акт, воспоминания участников исторических событий, докладную записку о состоянии дел в епархии и т. д. Дискурс является способом придать смысл любым элементам социального процесса, так как с помощью дискурса происходит трансляция определенной точки зрения в конкретной социокультурной среде.

Анализ дискурса осуществляется в рамках нескольких научных подходов: постструктуралистского дискурс-анализа, КДА, культуральной политэкономии, культурологического и дескриптивного подходов. Данные подходы не имеют четких разграничений. Однако для исследования конфессиональной проблематики особо значим критический дискурс-анализ, который направлен на изучение способов применения языка в конкретной социокультурной среде [3, р. 65; 5, р. 88–89]. В центре внимания КДА находятся вопросы взаимодействия между знаковыми компонентами (тексты) и социокультурными элементами (контекст) дискурса, что позволяет комплексно изучать предмет конфессиональных исследований.

При этом внутри критического дискурс-анализа разные методологические подходы (классический дискурс-анализ (диалектико-реляционный подход) Т. ван Дейка и Н. Фэркло, дискурсивно-исторический подход Р. Водак и культурологический подход Ши Сю) по-разному используют методику анализа дискурса.

Диалектико-реляционный подход Н. Фэркло опирается на качественный анализ текста и его языковые характеристики, в нем применяются разработки и методы юриспруденции, психологии, социологии и других наук [6, с. 57]. В дискурсивно-историческом подходе особое внимание уделяется анализу политических, экономических, культурологических данных, связанных с дискурсом, а также выявляется влияние идеологии на коммуникативный процесс, что дает возможность объективно проанализировать взаимодействие в плоскости язык – власть – идеология (текст – государство – религия). Автор данного подхода Р. Водак предлагает при анализе текста (текстов) в рамках дискурса изучать интертекстуальные связи между различными нарративами [7, р. 67], что позволяет привлекать данные об этносоциальном, политическом, культурном контексте, в которых функционирует дискурс конфессиональной проблематики.

Автор культурологического подхода Ши Сю понимает дискурс как коммуникативный акт в рамках определенного социокультурного контекста. Субъекты осуществляют коммуникацию с помощью лингвистических и иных символов в соответствии с историческим и культурным контекстом [8, с. 241]. Таким образом, анализу должны подвергаться такие

элементы дискурса, как устные и письменные нарративы, субъекты коммуникации (государство, религиозные институты, общество, личности), действия субъектов отношений (вербальные и невербальные), каналы коммуникации (язык, каналы передачи информации, время, обстановка и т. д.), цели и последствия коммуникативных действий, исторический и межкультурный контекст (в том числе нормы и модели поведения, а также социальные отношения).

Таким образом, основным методологическим принципом анализа дискурса в рамках всех подходов КДА выступает изучение дискурса как многоуровневого явления на основе понимания неразрывного взаимодействия политических, экономических, религиозных и иных социальных процессов с языком. Поэтому в фокусе анализа дискурса находятся

нарративы в их неразрывной связи с историческим, политическим, правовым, культурным и иным контекстом.

Целью дискурс-анализа как метода изучения дискурса является не просто лингвистическое исследование текстов, а изучение коммуникативного процесса, проходящего в условиях специфической социокультурной среды, исторических и общественных реалий и артикулированного в виде устных и письменных текстов. Таким образом, дискурс-анализ является качественным инструментом, позволяющим исследователю выявить заложенный в нарративных источниках латентный смысл коммуникативного акта в историческом контексте и его проявление в процессе реализации общественных отношений.

Методика дискурс-анализа при изучении конфессиональной истории

Вопрос конкретной методики изучения дискурса является дискуссионным в теории дискурса. Разные подходы ориентированы на применение разных методов анализа. Однако в КДА более, чем в других подходах, разработаны общие принципы методологии анализа дискурса, при этом для разных направлений в КДА еще нет единого универсального метода. Так, ввиду того, что культурологический подход признает уникальные исторические, культурные и лингвистические традиции каждого дискурса, он отвергает возможность использования универсальной методологии и требует создания такого метода анализа, который мог бы учитывать исторические и культурные различия дискурсов [8, с. 250]. При этом Ши Сю не уточняет, как следует учитывать культурные особенности дискурсов, что не позволяет сформировать четкий методический аппарат анализа. При анализе дискурса Р. Водак применяет метод интертекстуальности – анализа связи разных текстов через отсылки к теме или субъектам дискурса, к одним и тем же событиям, аллюзиям или воспоминаниям как в рамках одного дискурса (например, перенос термина «секта» из православного дискурса инославия в официальный правовой дискурс о положении религиозных меньшинств), так и при изучении междискурсивных отношений [7, р. 69]. Однако Р. Водак признает, что дискурсивно-исторический подход не является конкретным эмпирическим методом, а для лингвистического и контекстного анализа дискурса используются набор методов и теоретический аппарат разных наук [9, р. 73]. Поэтому при проведении анализа исследователю необходимо применять социальные теории, методы лингвистики и контент-анализа, а также привлекать большое количество объективных данных о социально-политическом и историческом

контексте. Для характеристики текста и его компонентов Н. Фэркло предлагает междисциплинарную стратегию анализа дискурса, предполагающую применение грамматического, семантического, конверсационного и контекстного анализа, теорий и методов юриспруденции, социологии, психологии и других наук. С ее помощью можно изучить не только текст, но и социальные условия, в которых он создавался и воспринимался обществом [9, р. 78].

Таким образом, при отсутствии единой методики дискурс-анализа в рамках КДА можно выделить основные положения методологии анализа дискурса: проблематизацию, оценку дискурса как диалогического коммуникативного акта, контекстный (экстралингвистический) анализ и междисциплинарную стратегию.

Наиболее четкая методика дискурс-анализа, которая включает в себя все компоненты методологии КДА, разработана на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка [10, с. 10]. Она применяется преимущественно для анализа правового дискурса. Поскольку одним из основных типов письменных источников для изучения конфессиональной проблематики являются нормативно-правовые акты, документы делопроизводства государственных органов, религиозных организаций, административные и судебные документы, рассмотрим методику дискурс-анализа правового дискурса.

Следует отметить, что методика дискурс-анализа зависит от выбранного подхода, но в рамках конкретного исторического исследования она всегда включает основные положения методологии КДА и имеет целью изучение основных элементов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда).

При деконструировании дискурса с учетом основных методологических принципов КДА в качестве ключевых элементов для анализа выделяются следующие:

- субъекты коммуникации, которые участвуют в процессе создания текста и в общественных отношениях;
- коммуникативная деятельность в процессе создания текста и общественных отношений (дискурсивная практика);
- текст в письменной или в устной форме (воспоминания, выступления, статьи, нормативный акт, документы делопроизводства и т. д.);
- среда, которая включает исторический, социокультурный, ситуационный (объективные причины и условия формирования дискурса) и мировоззренческий контекст.

Элементы дискурса анализируются с помощью метода деконструкции: каждый компонент дискурса разбивается на части, что позволяет сопоставить явные и скрытые намерения автора текста с культурным контекстом. В связи с этим в каждом структурном элементе дискурса необходимо выделить доминанты – социально обусловленные главенствующие характеристики дискурса. Их изучение составляет основу для анализа дискурса.

Субъектом коммуникации является ее непосредственный участник. В качестве доминант, которые влияют на коммуникативные отношения, могут выступать статусно-ролевая характеристика, т. е. социальный статус субъекта, его роль во взаимодействии и в процессе составления текста (священнослужитель или светское лицо, руководитель религиозной организации или прихожанин церкви и т. д.); тип социально-коммуникативной активности (автор текста, его адресат); тип коммуникатора (активный, пассивный); уровень и готовность к обратной связи; мотивы и цели в коммуникации (доминирование, выражение власти, подчинение, компромисс); мировоззренческие характеристики и приоритеты субъекта (его религиозная, национальная принадлежность, политическая позиция, консервативное или либеральное мировоззрение). На наш взгляд, социальные, половые и возрастные особенности субъектов также могут оказывать влияние на содержание дискурса, так как они воздействуют на мотивы и цели субъектов. Таким образом, данные характеристики следует принимать во внимание [11, с. 33].

Например, при анализе дискурса реализации советской антирелигиозной политики в 1944–1991 гг. в качестве субъектов анализа могут выступать уполномоченный по делам религий Совета по делам религий при Совете министров СССР по БССР, областные уполномоченные Совета по делам религий (их возраст, социальный статус, мировоззрение, вероисповедание, активность или пассивность в ходе деятельности, мотивация к осуществлению

политики). Изучение доминант субъекта в данном случае позволяет выявить мотивы, цели, влияние мировоззренческого фактора на формирование нормативно-правовой базы и его реализацию представителями государственной власти и, как результат, определить степень влияния субъективного фактора в осуществлении религиозной политики.

При анализе коммуникативной деятельности в качестве доминант могут быть выделены характер коммуникативных действий (формальные или неформальные действия, произвольная или принудительная коммуникация, место и время совершения коммуникативного акта), способ принятия решения в рамках коммуникации (коллегиальный или единоличный), форма взаимодействия (вербальная или невербальная, устная или письменная) [11, с. 29–30], соответствие (несоответствие) порядка действий в ходе коммуникации между субъектами формальным или административным процедурам.

Например, при анализе дискурса отношений Советского государства с Русской православной церковью в 1941–1945 гг. характеризуется сам процесс выстраивания отношений между ними: выявляются инициатор и методы взаимодействия (формальные или неформальные), возможность вариативности, степень демократичности и свободы принятия решений, рассматриваются процедура созыва и проведения Архиерейского собора Русской православной церкви 9 сентября 1943 г., сроки его созыва и т. д. Также исследуются характеристики процесса принятия нормативных документов (постановление Архиерейского собора Русской православной церкви от 9 сентября 1943 г., директивы НКГБ СССР от 22 сентября 1943 г. о создании Русской православной церкви Московского патриархата), поскольку процедура принятия, место, время и сроки разработки имеют большое значение для анализа взаимоотношений между Русской православной церковью и Советским государством.

Такой компонент дискурса, как текст, может быть представлен одним текстом или комплексом научных, нормативно-правовых, эпистолярных, справочных, аналитических документов. В качестве доминант для анализа нарративов могут быть выделены тема речевого общения, речевой жанр, композиция и последовательность речевых актов, речевые средства и т. д.

Например, речи судей в религиозных процессах 1960-х гг. имеют преимущественно директивный, монологичный и за редким исключением диалогичный характер. В таких высказываниях могут применяться дифференцированные (*Вы, ты*), нейтральные (*гражданин, истец, пострадавший*) или субъективно окрашенные (*сектант, тунеядец*), личностные (фамилии, имена) способы обращения и оценочные фразы (*уклоняетесь от гражданских обязанностей, вовлекли в паутину мракобесия, реакционное мировоззрение*), которые позволяют определить степень личностного

вовлечения судьи в процесс субъективного влияния на осуществление правосудия, реализацию прав верующих и состояние судебной системы. При том что нормативно-правовой акт характеризуется особым жанром и стилем, предполагающими нейтральность к субъектам правового регулирования, его композиция и речевые средства, использование терминов с негативной коннотацией могут показать наличие оценочности в содержании и выявить трансляцию мировоззренческих моделей и стереотипов. Например, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» нейтрально по терминологии в отношении религиозных организаций, в то время как в Указе Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» используется фраза «антиобщественный паразитический образ жизни», стигматизирующая священнослужителей, которые попадают под данное определение.

Последний из выделенных элементов дискурса – среда – отражает социокультурный, идеологический, информационный контекст социума, в котором происходит коммуникация. В качестве основных доминант могут быть выделены мировоззренческие доминанты социума (ценности, религиозные ориентиры, политические идеологии, главенствующие в обществе или характеризующие социальные группы в процессе коммуникации), представление об окружающем мире (о социальных, гендерных, этноконфессиональных ролях субъектов, структуре общества, месте религии и конфессии в государстве и в правовой системе, а также о роли государства в религиозных процессах), психологические характеристики социальных групп, способ восприятия социальных оппонентов в парадигме свой – чужой, уровень и характер правовой культуры общества, коммуникативный эффект (уровень воздействия норм права, правовых и религиозных текстов на общество и наоборот).

Важными характеристиками являются взаимопроникновение и взаимозависимость компонен-

тов дискурса. Так, психологические, социальные и личностные особенности субъекта влияют на мотивацию и цели взаимодействия, социально-коммуникативную активность, от которой зависит порядок действий в процессе коммуникации, способы принятия решений и их эффект при создании нарративов. В свою очередь, духовные ценности и мировоззрение субъектов во многом определяются доминирующими духовными приоритетами, ментальностью общества и отражаются в статусно-ролевых характеристиках личности [10, с. 140].

Таким образом, дискурс-анализ предоставляет возможность изучить социальные и религиозные процессы комплексно, выявить их скрытые причины (снижение религиозности, смена конфессиональной ориентации, религиозная стигматизация, межконфессиональные и мировоззренческие противоречия) и определить тенденции в религиозном развитии общества.

Особенностями дискурс-анализа как качественного метода являются его междисциплинарность и отсутствие универсальной методики, что позволяет использовать для анализа широкий спектр теоретических подходов и методов исследования в зависимости от объекта и целей анализа. На разных этапах и стадиях дискурс-анализа могут быть задействованы и использованы как лингвистический и контекстуальный анализ, контент-анализ, так и методики социологического наблюдения (не включенное и включенное), опросные методы, методы математического анализа, метод толкования права и др. Таким образом возможно комплексно проанализировать все базовые компоненты дискурса. В этом состоит неоспоримое преимущество основанного на междисциплинарной стратегии метода, который оформился на стыке социолингвистики, культурологии и истории, но впитал в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: риторики, философии, психологии, политологии, социологии и т. д. В результате дискурс-анализ создает возможности для изучения письменных и устных источников как продукта социальных, культурных, политических и общественных процессов.

Применение дискурс-анализа при изучении дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг.

В 1921–1939 гг. в религиозной сфере Западной Беларуси активизируются движения позднего протестантизма: евангельские христиане, евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской, адвентисты, методисты. Процесс формирования государственной политики в отношении поздних протестантских движений Западной Беларуси проходил в условиях становления нового польского государства, трансформации его государственно-конфессиональной системы, при-

соединения западнобелорусских территорий с однородным этноконфессиональным составом на протяжении межвоенного периода.

С помощью метода дискурс-анализа изучен правовой дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Целью являлось определение особенностей правового дискурса, а также выявление латентного смысла коммуникативного процесса, влияющего на формирование и реализацию

государственной политики в отношении позднепротестантских движений. Для анализа был использован комплекс письменных источников: нормативно-правовые документы (Конституция II Речи Посполитой 1921 и 1935 гг., Указ Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», Указ Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», циркуляр Министерства иностранных дел Польской Республики от 2 января 1926 г. № 1 «В деле приезда в Польшу иностранных духовных лиц, членов сект», директивные указания в отношении иностранных религий и национальностей Министерства вероисповеданий и общественного просвещения Польской Республики (далее – МВиОП) 1932 г. и др.), документы административных органов (каталог МВиОП «Церкви и религиозные объединения Польши. Правовые основы», монография о верховенстве закона в Польше в Виленском воеводстве 1939 г., комментарии к декрету Президента Польской Республики от 18 ноября 1938 г. «Об отношении к Польской православной автокефальной церкви», отчеты общественно-политических отделов воеводских управлений и др.) и документы административных процедур (регистрация религиозных общин, обращения в воеводские правления, староства).

При анализе указанного правового дискурса использовался метод деконструкции, в ходе которого были рассмотрены основные элементы дискурса (субъект – деятельность – текст – среда). Также для анализа компонентов дискурса и их доминант были использованы методы формальной логики и математического анализа, историко-генетический и формально-юридический методы, метод толкования правовых норм, социологические методы, контент-анализ. С учетом ограниченного объема изложения материала представлены только основные процедуры и результаты анализа.

В правовом дискурсе государственной политики в отношении позднепротестантских движений в качестве субъектов коммуникации определены официальные должностные лица, являющиеся субъектами нормотворчества (должностные лица МВиОП и Министерства иностранных дел Польской Республики, воеводы восточных воеводств), а также субъекты административных процессов (старосты, представители общин и организаций). Субъекты дифференцированы по степени коммуникативной активности и взаимодействия: активными, готовыми к обратной связи коммуникантами были старосты, а также представители общин и организаций, которые являлись инициаторами административ-

ных процессов. В то же время коммуникация высших должностных лиц характеризовалась моноличностью, мотиватором в данном случае являлось выражение власти, в большинстве случаев компромиссное решение проблемы не было целью ни на одном уровне субъектов власти.

Этноконфессиональная характеристика субъектов коммуникации выявила определенную дихотомию: субъекты нормотворчества и административные лица были преимущественно поляками по национальности и католиками по вероисповеданию (за исключением представителей местной администрации – старост и некоторых воевод, которые были белорусами по национальности и православными по вероисповеданию). Кроме того, часть должностных лиц являлись представителями католического духовенства: епископ А. Шелёнзек был сотрудником департамента вероисповеданий МВиОП, прелат Б. Жонголович – вице-министром МВиОП, в правительственные комитеты входили представители Римско-католической церкви¹. В то же время члены позднепротестантских общин были преимущественно белорусами, ранее православными: по изученным демографическим данным, из 2272 членов общин белорусами были 95,2 %, поляков насчитывалось 4,8 % [12, с. 39].

В политической и мировоззренческой позиции субъектов нормотворчества и административных лиц доминировала государственная концепция построения польского государства, основанная на политике национальной ассимиляции территорий Западной Беларуси. Так, в 1923 г. полесский воевода С. Довнар-Винский сформулировал принцип выборочной колонизации белорусов-«тутэйшых», которую поддерживал его преемник – воевода В. Костек-Берняцкий [13, с. 53–54]. Подготовленная в 1939 г. Виленским воеводским правлением монография о верховенстве закона в Польше в Виленском воеводстве транслировала идеи жесткой ассимиляции, для чего было «необходимо исключить все факторы, которые апеллируют к национальному самосознанию, а также использовать все возможные методы, которые приближают общество к польской культуре»². В то же время в идеологических установках позднепротестантских движений доминировали консервативная концепция евангелизма и религиозные цели деятельности. Это обусловило их лояльную позицию в отношении государства, отсутствие активной политической деятельности и стремление к национальной самоидентификации [14, с. 308].

При анализе коммуникативной деятельности в рамках дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений За-

¹Langer T. Państwo a nierzymskokatolickie związki wyznaniowe w Polsce Ludowej. Poznań : Wydaw. poznańskie, 1967. S. 134.

²Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 51.

падной Беларусі следует выделить такие направления коммуникации, как нормотворческий процесс и административные процессы в рамках реализации государственной политики. Нормотворческий процесс осуществлялся в условиях формирования новой государственно-конфессиональной системы, интеграции религиозных норм Австрии и России в законодательную систему Польши под давлением двух противоборствующих политических сил – либеральных (Польская социалистическая партия, польская народная партия «Вызволение») и консервативных (христианские и национальные демократы). Кроме того, на законотворческий процесс оказывали воздействие представители Римско-католической церкви, чья деятельность и влияние при поддержке правых партий определили прокатолическую политику правительства. Это нашло отражение в принятии ряда нормативных актов, ограничивающих права и свободы членов общин и деятельность протестантских организаций (циркуляр № 1 Министерства иностранных дел Польской Республики от 2 января 1926 г. «В деле приезда в Польшу иностранных духовных лиц, членов сект», директивные указания в отношении иностранных религий и национальностей МВиОП 1932 г., комментарии к декрету Президента Польской Республики от 18 ноября 1938 г. «Об отношении к Польской православной автокефальной церкви»), а также оказало влияние на процесс принятия законопроекта о признании позднепротестантских движений. Так, после подготовки в 1927 г. законопроекта о признании новых или до сих пор непризнанных религий и его передачи в Президиум Совета Министров Польской Республики для внесения поправок нунций Л. Лавра отправил срочную депешу в Ватикан, а 10 июня 1927 г. посол В. Скрынский встретился с кардиналом Р. Гаспаром, который выразил недовольство польской религиозной политикой и подчеркнул, что церковь «боролась и должна бороться с такими законопроектами»³. После представления данного законопроекта в 1929 г. на рассмотрение правительственной комиссии по выполнению условий конкордата было официально заявлено о приостановке всех действий по правовому признанию непризнанных вероисповеданий⁴. Последующие правительственные кабинеты также находились под сильным влиянием Римско-католической церкви и придерживались аналогичной позиции.

Реализация религиозной политики и ведение административных процессов (регистрация общин, выдача разрешений на религиозную деятельность, рассмотрение обращений) возлагались на органы местной администрации и носили субъективный, политически мотивированный характер. При нали-

чии возможностей организации религиозной деятельности позднепротестантских общин в частной и публичной сферах, предоставляемых законодательством II Речи Посполитой, административные процедуры неоднократно затягивались (после подачи заявлений на регистрацию в 1930 г. общины евангельских христиан в д. Онисковичи и д. Бельск Кобринского повета получили отказ в 1939 г.⁵), немотивированно запрещались религиозные обряды и деятельность (староста Столинского повета в 1932 г. выдал запрет на проведение библейских курсов общине евангельских христиан д. Маньковичи («проведение курсов нежелательно для польской государственности»⁶)). В директивах для воевод Западной Беларуси при решении вопросов деятельности евангельских общин рекомендовалось ориентироваться прежде всего на политические задачи. Это приводило к субъективному трактованию и применению правовых норм и ставило общины в разное правовое положение в зависимости от политической бдительности местных чиновников.

Комплекс текстов для анализа дискурса представлен нормативно-правовыми актами, регулирующими правовой статус и правовые основы деятельности позднепротестантских общин, а также документами административных процессов. С учетом того что применяемая в нормативных документах терминология может отражать место и роль позднего протестантизма в обществе в понимании субъектов власти и транслировать ее через нормативно-правовые документы, для выявления смысловой нагрузки применяемых в правовых документах терминов и номинаций, а также для оценки восприятия субъектами власти новых религиозных акторов и их места в социокультурной среде была изучена номинация позднепротестантских движений в правовом дискурсе с помощью контент-анализа.

Следует отметить, что в правовых документах номинация позднепротестантских движений, во-первых, определялась их правовым статусом, который формировался на протяжении всего межвоенного периода, а во-вторых, иллюстрировала восприятие данных религиозных движений представителями государственных властей. В соответствии с Конституцией II Речи Посполитой 1921 г. и с иными нормативно-правовыми актами для определения правового статуса позднепротестантских движений применялись следующие термины: «непризнанные вероисповедания» (отсутствие законодательного урегулирования государственно-церковных отношений) и «толерованные вероисповедания» (возможность легальной религиозной деятельности на основании законодательства).

³ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2307. Л. 1–2.

⁴Krasowski K. Losy unifikacji ustawodawstwa międzywyznaniowego // Czas. praw.-hist. 1987. No. 2. S. 288–289.

⁵ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2824. Л. 77, 81.

⁶Там же. Оп. 3. Д. 1274. Л. 25.

Кроме того, в связи с тем что деятельность протестантских общин и организаций на протяжении межвоенного периода регулировалась Указом Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Указом Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», в официальное употребление вошел термин «секты, отпавшие от православия». Данный термин был характерен для российского общества, где православие доминировало в религиозной среде, и подразумевал вычленение из аутентичного религиозного поля страны чуждых религиозных элементов, к которым были отнесены позднепротестантские движения.

В то же время такая смысловая нагрузка термина «секта» не была свойственна польскому официальному дискурсу. В официальных документах евангельские движения относились к категории сект, во-первых, в связи с их соответствующим именованием в Указе Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», а во-вторых, на основании религиозной стратификации секта – конфессия – религия, определяющей уровень развития религиозной организации. Так, в докладе о характеристике религиозных сект, действующих в Полесском воеводстве (середина 1930-х гг.), представлена структура сектантского движения, в которой секты разделены на протестантские (евангельские христиане и баптисты, адвентисты, исследователи Священного Писания), католические (мариявиты, польский национальный костел) и православные (старообрядцы)⁷.

Кроме того, при анализе нормативно-правовых актов и документов не выявлено лингвосемантических элементов, транслирующих восприятие авторами текстов позднепротестантских движений как деструктивных для религиозного сознания, термин «секта» в правовых актах имеет нейтральный характер. Таким образом, употребление данного термина в официальном правовом дискурсе в отношении позднепротестантских движений означало скорее признание низкой степени их институционализации, нежели характеристику их деструктивности.

В то же время на местном уровне в документации воеводских управлений и поветовых староств термин «секта» приобретает иную коннотацию: при характеристике сектантства употребляются формулировки «вредная», «враждебная для польской государственности», «враждебная для общества», «серьезная опасность»⁸ и т. д. При описании

политики в отношении сектантства используются выражения «сдерживание движения», «борьба»⁹, «уничтожение»¹⁰, что свидетельствует о негативном восприятии протестантских движений. Соответственно, на местном уровне, особенно в восточных воеводствах, термин «секта» приобретает негативную коннотацию.

Изменение смысловой нагрузки термина «секта» в отношении евангельских движений в официальных документах локального уровня, трансляция субъективного отрицательного отношения к сектантству обусловлено в первую очередь закреплением в Российской империи восприятия евангелизма как негативного явления. Также трансляции термина «секта» как негативного в административной деятельности местных властей содействовали резко отрицательное отношение клира православной церкви к сектантству, активная антисектантская деятельность¹¹ его представителей, конфессиональные характеристики местного административного аппарата (преимущественно православные).

Следует отметить, что в отношении позднепротестантских движений в официальном дискурсе преобладали нейтральные номинации движений, основанные на правовом статусе, и термин «секта» при этом включал в себя институциональную характеристику движения. Его употребление с негативной коннотацией имело место исключительно на уровне местных властей, что определялось исторически сформированным отрицательным восприятием позднепротестантских движений в результате российской конфессиональной политики.

Что касается политической и социокультурной среды, то формирование дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. осуществлялось в условиях интеграции в польское государство и общество западнобелорусских территорий с иными социокультурными характеристиками, а также в условиях проведения государственной политики национальной ассимиляции.

Западная Беларусь не была моноконфессиональным и мононациональным регионом. По данным переписи населения 1921 г., общее число белорусов составляло 1 281 900 человек (57,3 %), поляков – 692 900 человек (30,9 %), евреев – 241 500 человек (10,8 %), представителей других национальностей – 23 700 человек (1,0 %). Большинство белорусов проживали в Полесском воеводстве (42,6 %), поляки доминировали в Новогрудском воеводстве (54,0 %) и в белорусских поветах Белостокского (76,9 %) и Виленского (46,7 %) воеводств. П. Эберхарт на основа-

⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2313.

⁸ Там же. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 81. Л. 230 ; Там же. Оп. 2. Д. 2309. Л. 23–25.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 81. Л. 186.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2308. Л. 85 ; Там же. Оп. 10. Д. 2313. Л. 11.

¹¹ Там же. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 81. Л. 22, 129, 143, 155, 197.

нии анализа переписи населения 1921 г. заключил, что количественно в Полесском и Новогрудском воеводствах, в белорусских поветах Белостокского и Виленского воеводств белорусы составляли около 1 350 000 человек, поляков насчитывалось около 600 000 человек, евреев – около 240 000 человек¹². Конфессионально в Западной Беларуси, согласно переписи населения 1921 г., 1 281 900 человек (57,3 %) принадлежали к Русской православной церкви, 692 900 человек (30,9 %) – к Римско-католической церкви, 241 500 человек (10,8 %) составляли иудеи, 23 700 человек (1,0 %) – представители других религий¹³.

Восприятие позднепротестантских общин и верующих как социальных оппонентов в парадигме свой – чужой и построение коммуникации в этноконфессиональной ситуации Западной Беларуси базировалось на том факте, что в позднепротестантские общины входило преимущественно белорусское православное население, соответственно, оппонентами – чужими – были члены одного общества с точки зрения этнических и социально-экономических характеристик. На этом основании большинством западнобелорусского населения протестанты воспринимались как члены социально-

психологической группы «мы», что реализовывалось через толерантное отношение к ним. Однако иная, нетрадиционная для региона вера была основанием для обвинения в вероотступничестве¹⁴, и протестанты воспринимались как чужие с позиции православного концепта инославия¹⁵ [15, с. 45]. Это, в свою очередь, обусловило трансляцию субъективной позиции представителей местной власти в административных процессах.

Этноконфессиональная ситуация в регионе (соперничество православия и католицизма) усложнялась наличием этноконфессиональной дихотомии белорус (русский) – православный и поляк – католик. В этих условиях религиозному фактору в политике национальной ассимиляции, осуществляемой в Западной Беларуси, придавалось особое значение. И хотя доля приверженцев позднего протестантизма не превышала 1 % от численности населения региона (7807 человек в 1929 г.), местный, белорусский, православный базис движения воспринимался как фактор возможного усиления национальных меньшинств, что противоречило интересам национальной политики Польши и стало определяющим фактором в дискурсе государственной политики в отношении позднепротестантских движений.

Заключение

Дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. формировался в условиях становления государственно-конфессиональной системы и интеграции в политическое и социокультурное пространство Польши региона с отличными этноконфессиональными характеристиками. Внутренними факторами, воздействующими на правовой дискурс, стали, во-первых, тенденция к либерализации политического устройства государства и государственно-конфессиональных отношений, во-вторых, демографические характеристики позднепротестантского движения Западной Беларуси и его позиционирование в политической и национальной структуре общества. Этноконфессиональные характеристики позднепротестантского движения (белорусский православный базис), несмотря на его позицию лояльности к государству и отсутствие активной политической и национальной деятельности, воспринимались польским государством сквозь призму политики национальной ассимиляции как фактор возможного усиления национального меньшинства, что противоречило интересам национальной политики Польши. Основ-

ными внешними факторами стали сильное влияние Римско-католической церкви на нормотворчество и административные процессы.

Правовой дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси характеризовался следующими чертами:

- наличием противоречивых аспектов: либеральное понимание, нормативно-правовое закрепление статуса позднего протестантизма как интегративного элемента религиозной структуры польского общества сочетается с усилением тенденции к закреплению статуса позднего протестантизма Западной Беларуси как нежелательного элемента в религиозном и политическом пространстве со второй половины 1920-х гг. и до конца межвоенного периода в свете национальной политики Польши (реализовывалось посредством введения ограничительных положений подзаконных правовых актов);
- двойственным восприятием движения субъектами дискурса: с одной стороны, в отношении евангелизма выявлено отсутствие негативных коннотаций в официальном правительственном дискурсе, с другой стороны, фактор национальной политики

¹²Eberhardt P. Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa : Ed. Spotkania, 1994. S. 62.

¹³Эберхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989 / пад рэд. У. Люкевіча. Берасце : Беларус. фонд Сораса, 1998. 282 с.

¹⁴Государственный архив Гродненской области. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1186. Л. 12.

¹⁵Отвѣтное посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода ко Вселенской Патріархіи [Электронный ресурс]. URL: https://rusportal.ru/index.php?id=church_history.synod1903_02_25_01 (дата обращения: 12.03.2022).

и особенности социокультурной среды белорусских воеводств содействовали негативному восприятию движения на локальном административном уровне, отнесению его к сектантству как к нежелательному элементу религиозной среды и воздействовали на процесс реализации государственной политики Польши;

- дифференцированным характером и способами коммуникации на разных уровнях власти: на уровне центральных органов власти при отсутствии негативного восприятия позднепротестантского движения (за исключением представителей Римско-католической церкви) наблюдается активная коммуникация в процессе формирования правового статуса при легализации и оформлении нормативно-правовой базы их деятельности, в то время как на уровне местных властей коммуникация осуществлялась преимущественно в одностороннем порядке с применением методов ограничения деятельности, административные процессы велись с нарушением законодательства;

- трансляцией субъективного отношения к позднепротестантским движениям в дискурсе при проведении административных процедур, что обусловлено как политической позицией субъектов власти, так и этноконфессиональной дифференциацией субъектов коммуникации (должностных лиц и представителей позднего протестантизма в Западной Беларуси);

- воздействием на формирование и содержание дискурса двух основных субъектов религиозного поля Польши и Западной Беларуси – Римско-католической церкви (при формировании нормативно-правовых основ государственной политики в отношении позднего протестантизма) и Русской православной церкви (при реализации взаимодействия с общинами в рамках административных процессов на локальном уровне).

В коммуникативном процессе формирования и реализации государственной политики наблюдается двойственное отношение субъектов власти к позднепротестантскому движению Западной Беларуси: от восприятия как интегрированной части религиозной среды до отнесения к числу нежелательных элементов религиозного поля. На смысловое содержание дискурса оказали воздействие национальная политика Польши, трансформация религиозной структуры западнобелорусского общества, демографические факторы, а также психосоциальное восприятие позднего протестантизма как нового религиозного актора в традиционной социокультурной среде.

С учетом данных особенностей правового дискурса в государственной политике по отношению к позднепротестантским движениям Западной Беларуси на протяжении 1921–1939 гг. осуществлялся

переход от либеральной концепции интеграции новых религиозных акторов в религиозную среду общества на основе их легализации к концепции ограничения их участия в религиозных и социокультурных процессах западнобелорусского региона как правовыми, так и неправовыми средствами.

Таким образом, на основе изучения теоретических аспектов методологии дискурс-анализа и практического применения методики при исследовании дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. можно отметить основные методологические аспекты дискурс-анализа.

Дискурс-анализ, как качественный метод исследования, направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах создание данного текста становится возможным и что при этом явилось внутренней и (или) внешней движущей силой. Это позволяет исследователю определить характерные черты развития субъектов конфессионального поля на конкретном историческом этапе, выявить причины межконфессиональных конфликтов, прояснить, как государственные акты и проводимая религиозная политика оказывали воздействие на конфессиональную структуру общества и тем самым определить скрытый смысл, заложенный в нарративных источниках, и его проявление в процессе реализации общественных отношений.

Методологическими принципами дискурс-анализа являются проблематизация и оценка дискурса как диалогического коммуникативного акта, предполагающего комплексное взаимодействие участников в условиях исторического, политического, социально-экономического и культурного контекста, реализованное в конкретном нарративе. Это вызывает необходимость применить междисциплинарную стратегию, направленную на изучение текста и его компонентов с использованием лексического, семантического и контекстного анализа, а также разработок и методов других наук (социология, психология, юриспруденция и др.) при изучении всех неотъемлемых элементов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда).

В результате применения метода дискурс-анализа, разработанного на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии КДА и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка, при изучении дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. были охарактеризованы основные внешние и внутренние факторы формирования государственного дискурса, определен характер психосоциального восприятия

позднего протестантизма как нового религиозно-го актора в традиционной социокультурной среде, что позволило выяснить латентный смысл дискурса и причины двойственного характера коммуникации государства и позднепротестантских организаций, проявившегося в трансформации либеральной по-

литики Польши в концепцию ограничения участия названных движений в религиозных и социокультурных процессах западнобелорусского региона. Подтверждена эффективность применения дискурс-анализа, который позволил всесторонне изучить предмет исследования конфессиональной истории.

Бібліографічныя спасылкі

1. Кожемякин ЕА. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2008;15:5–12.
2. Фуко М. Археология знания. Ракова МБ, Серебрянникова АЮ, переводчики. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2004. 416 с.
3. Fairclough N. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2013. 200 p.
4. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group UK Limited; 1989. 259 p.
5. Reisigl M, Wodak R. *The discourse-historical approach (DHA)*. In: Wodak R, Meyer M, editors. *Methods for critical discourse analysis*. London: Sage; 2009. p. 87–121.
6. Дубровская ТВ. Методы исследования языка правовой сферы: рече-жанровая модель. В: Шумская Д, редактор. *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Краков: Издательство Ягеллонского университета; 2012. с. 55–68.
7. Wodak R, Meyer M, editors. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2001. 200 p.
8. Ионова АО. Современные подходы к анализу политического дискурса. *Политическая наука*. 2016;3:236–259.
9. Datondji AC, Amousou F. Discourse-historical approach to critical discourse studies: theoretical and conceptual analysis, basic characteristics and analytical tools. *Revue Internationale de Linguistique Appliquée, de Littérature et d'Éducation*. 2019;2(1):70–80.
10. Храмова НГ. *Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения*. Курган: Издательство КурГУ; 2012. 180 с.
11. Григорьева ВС. *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета; 2007. 118 с.
12. Лисовская ТВ. *Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)*. Брест: Альтернатива; 2021. 190 с.
13. Загідулін АМ. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы; 2010. 166 с.
14. Лісоўская ТВ. Месца і роля евангельскіх рухаў у рэлігійным полі Заходняй Беларусі. У: Бокун АІ, рэдактар. *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі)*. Мінск: Пазітыў-цэнтр; 2021. с. 286–309.
15. Лісоўская ТВ. Міжканфесійныя камунікацыі: пратэстантызм ў поліканфесійным грамадстве Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. У: Бокун АІ, рэдактар. *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі)*. Мінск: Пазітыў-цэнтр; 2021. с. 43–62.

References

1. Kozhemyakin EA. [Discourse analysis as an interdisciplinary methodology: a historical aspect]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;15:5–12. Russian.
2. Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge]. Rakova MB, Serebryannikova AYU, translators. Saint Petersburg: Humanitarian Academy; 2004. 416 p. Russian.
3. Fairclough N. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2013. 200 p.
4. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group UK Limited; 1989. 259 p.
5. Reisigl M, Wodak R. *The discourse-historical approach (DHA)*. In: Wodak R, Meyer M, editors. *Methods for critical discourse analysis*. London: Sage; 2009. p. 87–121.
6. Dubrovskaya TV. [Methods for studying the language of the legal sphere: speech-genre model]. In: Shumskaya D, editor. *Yazyk i metod. Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka* [Language and method. Russian language in linguistic research of the 21st century]. Krakov: Publishing House of Jagiellonian University; 2012. p. 55–68. Russian.
7. Wodak R, Meyer M, editors. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2001. 200 p.
8. Ionova AO. Contemporary approaches to the analysis of political discourse. *Political Science*. 2016;3:236–259. Russian.
9. Datondji AC, Amousou F. Discourse-historical approach to critical discourse studies: theoretical and conceptual analysis, basic characteristics and analytical tools. *Revue Internationale de Linguistique Appliquée, de Littérature et d'Éducation*. 2019;2(1):70–80.
10. Hramtsova NG. *Diskurs-pravovoi analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-legal analysis: from theory to practice of application]. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University; 2012. 180 p. Russian.
11. Grigor'eva VS. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmaticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmatic and cognitive aspects]. Tambov: Publishing House of Tambov State Technical University; 2007. 118 p. Russian.
12. Lisouskaya TV. *Pozdnii protestantizm v Zapadnoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Late Protestantism in Western Belarus (1921–1939)]. Brest: Al'ternativa; 2021. 190 p. Russian.

13. Zagidulin AM. *Belaruskae pytanne w pol'skaj nacynal'naj i kanfesijnaj palitycy w Zahodnjaj Belarusi (1921–1939 gg.)* [Belarusian question in the Polish national and confessional in Western Belarus (1921–1939)]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. 166 p. Belarusian.

14. Lisouskaya TV. [The place and the role of Evangelical movements in the religious field of Western Belarus]. In: Bokun AI, editor. *Evangel'skaja carkva Belarusi: gistoryja i suchasnasc' (da 500-goddzja Brjesckaj Biblii)* [Evangelical Church of Belarus: history and present (to the 500th anniversary of Brest Bible)]. Minsk: Pazityw-cjentr; 2021. p. 286–309. Belarusian.

15. Lisouskaya TV. [Inter-confessional communications: Protestantism in the poly-confessional society of Western Belarus in 1921–1939]. In: Bokun AI, editor. *Evangel'skaja carkva Belarusi: gistoryja i suchasnasc' (da 500-goddzja Brjesckaj Biblii)* [Evangelical Church of Belarus: history and present (to the 500th anniversary of Brest Bible)]. Minsk: Pazityw-cjentr; 2021. p. 43–62. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2022.
Received by editorial board 16.06.2022.